

Яна Леман

# Два заката для Алисы



18+

Яна Леман

**Два заката для Алисы**

«Автор»

2026

## **Леман Я.**

Два заката для Алисы / Я. Леман — «Автор», 2026

Вернувшись в старый бабушкин дом, Алиса надеялась лишь разобрать вещи, а нашла замурованные тайны КГБ и... двух мужчин из совершенно разных миров. С одной стороны — Максим, угрюмый сосед из её юности, готовый защищать её до последнего вздоха. С другой — Денис, столичный инвестор, приехавший снести дом, но готовый отдать всё ради Алисы. Прошлое столкнётся с будущим, старые секреты выйдут наружу, а Алисе придется решить, чьи ладони ей дороже — того, кто помнит её тринадцать лет, или того, кто предлагает весь мир.

© Леман Я., 2026

© Автор, 2026

# Яна Леман

## Два заката для Алисы

### Глава 1. Дом, который не дышит

Я приехала в Зарек в среду после обеда. Таксист высадил меня у калитки, помог достать чемодан, покрутил головой: «Долго стоял-то?» Я не ответила. Я смотрела на дом.

Он был меньше, чем в воспоминаниях. Деревянный, в два окна по фасаду, с мезонином, который бабушка называла «светёлкой». Крыша просела, как старая лошадь. Одна ставня висела криво, и краска облупилась — когда-то она была зелёной, а теперь напоминала плесень на сыре.

Я подошла к крыльцу. Ступенька под моим весом жалобно скрипнула, и я машинально отступила — будто могла сделать ей больно. Ключ провернулся во втором замке с трудом, дверь поддавалась только с пятого толчка плечом.

Внутри пахло не бабушкой. Не пирогами, не старой кожей дивана, не сушёным укропом. Пахло мышами, сыростью и тем особенным запахом, который бывает у вещей, за которыми никто не приходит три года.

Я поставила чемодан в прихожей и просто постояла. В тишине. В тишине было слышно, как где-то под полом шуршит — вода? мышь? — и как за окном ветер гоняет прошлогодний лист по асфальту. Я закрыла глаза и попыталась воскресить бабушкин голос: «Алиска, не стой в дверях, простудишься». Не получилось. Только своё собственное дыхание.

Я прошла в комнаты. Кухня — маленькая, с плитой, которая помнит ещё войну (бабушка так и не поменяла). Раковина заржавела, кран капал: кап-кап-кап, как метроном. На подоконнике — фикус, превратившийся в сухой скелет. Я погладила его горшок. Извини, что не приехала раньше.

Спальня бабушки. Кровать застелена ситцевым покрывалом в цветочек, на подушке — кружевная салфетка, как будто она вышла только что в магазин. Я села на край и вдруг поняла, что не хочу разбирать вещи. Не сегодня. Может, никогда.

Из чемодана я достала только чайник, кружку и пачку печенья. Электричества не было — на столбе висело объявление «Плановые работы с 8 до 17», и было уже полшестого. Я нашла в ящике свечи и зажгла три. Стало уютнее, хотя и тревожнее: тени прыгали по стенам, и казалось, что бабушка вот-вот войдёт со словами: «Ну вот, а я картошки нажарила».

Вместо бабушки в дверь постучали.

Я вздрогнула. Стук был спокойный, деловой: три удара, пауза, ещё два. Подошла к окну. В сумерках было трудно разглядеть, но я увидела мужской силуэт — широкий, чуть сутулый, в кепке. Сердце ухнуло, но я взяла себя в руки. Я в городе, где все друг друга знают. Наверное, участковый. Или сосед.

— Дверь открыта, — крикнула я, голос сел от тишины.

На пороге стоял мужчина. Лет тридцати, с небритостью, которая выглядела не как вызов, а как привычка. Простая серая футболка, джинсы в цементе, на руках рабочие перчатки, одна снята. Он держал фонарик и банку с тушёнкой.

— А я смотрю, свет горит, — сказал он и замялся. — В смысле свечи. Добрый вечер. Вы, наверное, внучка Анны Савельевны?

— Александра Громова, — поправила я машинально. — Бабушку звали Александра. Да, я её внучка. Алиса.

— Максим, — он кивнул и будто ждал, что я должна его узнать. Я не узнавала.

Я уставилась на него, а он на меня. Тишина затягивалась. Свечи освещали его лицо снизу, делая его старше и суровее. Я заметила морщинки у глаз — он часто щурился? — и родинку над губой, слева.

— Я живу через два дома, — пояснил он. — Мать вашей бабушки... короче, мы договорились, что я присматриваю за домом. Зимой снег чищу, летом траву. Она мне за это... ну, пирожки пекла.

— Бабушка умерла три года назад, — сказала я. Зачем? Он знает.

— Знаю, — тихо сказал Максим. — Я тогда пришёл. Помогал. Вы не приехали.

Это прозвучало не как упрёк, скорее как констатация. Но мне стало стыдно. Я не приехала. У меня была командировка в Питер, и я сказала себе, что проститься можно и потом. Потом не получилось.

— Спасибо, что присматривали, — выдавила я.

— Не за что. Вот, — он протянул банку с тушёнкой. — У меня заначка. Холодильник-то не работает.

— Спасибо, — повторила я глупо. — У вас холодильник работает?

— Ага.

Мы снова замолчали. Он переступил с ноги на ногу, посмотрел куда-то мне за плечо.

— Водой пользоваться не советую, — сказал он. — Трубы старые, два раза рвало, я перекрыл аварийку. Завтра починю, если хотите.

— А вы сантехник?

— Я всё, — он улыбнулся — коротко, одними уголками губ. — Строитель. Руки из правильного места.

Я хотела спросить, сколько это будет стоить, но он меня опередил:

— Завтра утром зайду, если вы не против. А сейчас давайте я хоть дров принесу? Вы печку топили?

— Нет, — честно призналась я. — Я не умею.

Взгляд у него стал мягче. Он прошёл на кухню, открыл печную дверцу (я и не заметила, что она есть), поковырялся внутри.

— Сухо. Сейчас принесу.

Он вышел, даже не спросив разрешения. Я осталась стоять посреди кухни, чувствуя себя ребёнком. Через пять минут он вернулся с охапкой поленьев, ловко засунул их в печь, чиркнул спичкой — и огонь занялся почти сразу.

— Щепки сухие, — пояснил он. — Я тут месяц назад дрова колол, для себя. Думал, в мае, а потом руки не дошли. Всё.

Он подбросил ещё два полена, вытер руки о джинсы. И тут я заметила на его запястье татуировку — какой-то геометрический узор, чёрный, под кожу. Он проследил мой взгляд и закатал рукав. Жест был не демонстративный, скорее усталый: «Знаю, люди смотрят, смотри уж».

— У вас красиво, — сказала я.

— Спасибо. Ну, я пошёл. Ещё раз — завтра зайду. Свет дадут к утру, говорят. А если нет — у меня генератор.

Он ушёл так же тихо, как пришёл. Только дверь щёлкнула.

Я постояла у печки, глядя на огонь. Почему-то захотелось заплакать. Не от жалости к себе — от странного облегчения. Здесь был кто-то, кто помнил бабушку. Кто нёс дрова и тушёнку. Кто не задавал вопросов вроде «а почему ты до сих пор не замужем» или «а как тебе удаётся так молодо выглядеть»?

Я съела половину тушёнки прямо из банки, холодной, макая туда печенье. Это было отвратительно и правильно. Потом я легла на бабушкину кровать, укрывшись своим пальто (постельное бельё я не додумалась взять), и долго смотрела на трещину в потолке.

Она извивалась, как река. Я попыталась угадать, куда она ведёт. К стене? К крыше? К свободе?

Заснула я под треск печки и далёкий собачий лай.

А утром в дверь снова постучали. Я открыла — никого. На крыльце стояло ведро с водой и записка на тетрадном листе: «Нагрейте на плите. Я после обеда». Почерк мужской, размашистый, с ударом на букве «я».

Максим.

Я взяла ведро, затащила в дом и долго держала ладони на его холодных железных боках.

## Глава 2. Привыкать к звукам

Первые дни тянулись как резина. Я просыпалась от того, что солнечный луч падал прямо на лицо — в Москве у меня были плотные шторы, а здесь старые ситцевые занавески ничего не скрывали. Потом я лежала, слушая дом.

Дом говорил на своём языке. В шесть утра начинало гудеть в трубах — это включали водонагреватель у соседей (Максим объяснил потом). В половине седьмого скрипели ступени на крыльце — кто-то шёл мимо (почтальон?). В восемь просыпались мухи и бились в стёкла. В девять, если было ветрено, ставня хлопала раз, другой, третий.

Я выходила во двор. Трава вымахала по колено, малинник зарос так, что не продраться. Я нашла старую бабушкину тяпку и попыталась прополоть грядку — через десять минут руки были в мозолях, а спина — сплошной комок боли. Я бросила.

В полдень приходил Максим. Без стука — сперва я вздрагивала, потом привыкла. Он молча проходил на кухню, проверял трубы, стучал по радиаторам (они не работали), что-то записывал в маленький блокнот, который доставал из заднего кармана. Разговаривал со мной коротко, деловито:

— Слив надо менять. — «Сколько?» — «Сто рублей и два часа работы».

— Кран на кухне течёт. — «Менять?» — «Попробую прокладку».

— Печку я прочистил. — «Спасибо». — «Топи каждый вечер, пока ночи холодные».

Он не смотрел на меня подолгу. Когда говорил — опускал глаза или отворачивался к стене. Я думала: может, я ему неприятна? Или он такой со всеми?

В пятницу он пришёл с инструментами и чаем в термосе. Я как раз пыталась открыть банку с тушёной (ту, новую, купила в магазине) и резанула палец крышкой. Выступила кровь — яркая, как будто специально, чтобы испортить первое впечатление.

— Дайте-ка, — он взял мою руку, и я замерла. Его ладонь была шершавой, тёплой. Он держал меня ровно столько, сколько нужно, чтобы рассмотреть порез. Потом достал из бардачка (у него всегда с собой бардачок?) пластырь, наклеил, отпустил.

— Осторожнее, — сказал. — Тут всё старое и злое.

— А вы? — спросила я, сама не зная зачем.

— Я молодой, — он улыбнулся — на этот раз чуть шире, на секунду. — И не злой.

Он ушёл, а я осталась сидеть с заклеенным пальцем, разглядывая пластырь. Самый обычный, бежевый, из аптеки. Но я не могла его снять до самого вечера.

В субботу я решила сходить в город. Зарецк оказался маленьким, одноэтажным, с вывесками «Продукты», «Ремонт обуви» и «Аптека», которая работала с трёхчасовым перерывом. Я купила хлеба, яиц, картошки и дешёвого кофе в жестяной банке. На кассе женщина с добрыми глазами спросила:

— Вы к кому? Или погостить?

— Я к себе, — ответила я. — Дом бабушки Александры.

— А, Сани! — женщина всплеснула руками. — Царствие небесное. Хорошая была. А вы, значит, внучка. А мы вас помним, вы маленькая приезжали, такая кудрявая.

Я улыбнулась вежливо. Меня никто не помнил. Я приезжала два раза: в пять лет и в двенадцать. Никогда не была кудрявой.

На обратном пути я увидела Максима. Он стоял на своём крыльце — через два дома от моего, такой же деревянный, но покрашенный свежей голубой краской. Курил, смотрел в телефон. Я прошла мимо и помахала. Он кивнул, но не улыбнулся.

Вечером, когда я топила печь (уже получалось), я поймала себя на мысли: а что, если бы он позвал меня на чай? Я бы пошла? Нет, конечно. Мне не нужен сосед, который чинит краны. Мне нужен... кто? Я не знала. Поэтому я убрала эту мысль в ящик «потом», как бабушкины ложки.

В воскресенье случилось первое настоящее событие.

Утро началось обычно: я встала, поставила чайник на плиту, вышла на крыльцо подышать. И увидела чёрную иномарку, припаркованную прямо у моей калитки. Таких машин в Зарецке не было — тут ездили на «Логанах» и выдавших виды «Нивах».

Из машины никто не вышел. Тонированные стёкла, блестящие диски, тишина.

Я постояла, пожала плечами, ушла в дом.

Через час машина всё ещё стояла.

Я выглянула в окно — и в этот момент стекло опустилось. Я увидела мужской профиль: чёткий, с идеальной линией челюсти, тёмные волосы, светлые глаза — даже на расстоянии они блестели. Мужчина посмотрел прямо на меня, и я отёрнулась, будто меня застукали за воровством.

Сердце заколотилось. Почему? Он же просто смотрел. Это не преступление.

Я натянула джинсы, вышла на крыльцо, стараясь держаться прямо. Он вышел из машины одновременно со мной — как будто ждал этого.

Высокий. Очень. В тёмно-синем пиджаке, без галстука, рубашка расстёгнута на одну пуговицу. Туфли, которые никогда не видели зарецкой грязи. Он осмотрел меня — быстро, профессионально, как врач, который ставит диагноз по цвету лица.

— Алиса Громова? — спросил он. Голос низкий, спокойный.

— Допустим.

— Денис Кравцов. — Он протянул визитку. Бумага была плотной, на ней — логотип «Городские решения» и телефон. — Мы не знакомы, но я был знаком с вашей бабушкой. Несколько раз консультировался по истории города. Соболезную.

— Спасибо, — я повертела визитку. — А вы... по какому вопросу?

— По рабочему, — он чуть склонил голову. — Я занимаюсь развитием территорий. Зарецк — в том числе. Мне важно знать, какие дома пустуют, какие — в аварийном состоянии. Ваш бабушкин дом вызывает вопросы.

— Какие вопросы?

— Технические, — он улыбнулся — вежливо, без тепла. — Можно войти? На пять минут.

Я хотела сказать нет. Но он уже шагнул к калитке, и я почему-то посторонилась.

Он прошёл в дом, огляделся. Ничего не комментировал, но я видела, как он замечает всё: трещину в углу, пятно на потолке, мои свечи в банках (я так и не купила нормальные светильники). Когда он коснулся стены в прихожей, костяшками, легонько — стена прогнулась.

— Дом не в порядке, — сказал он. — Я понимаю, что это звучит грубо. Но это факт.

— Я знаю, — ответила я резче, чем хотела.

— У вас есть планы?

— Пока нет, — я почувствовала себя маленькой и глупой. — Он мой, я разберусь.

Денис посмотрел на меня долго. Так, что мне захотелось обнять себя за плечи.

— Я не торгуюсь, — сказал он наконец. — И не давлю. Я просто информирую: в следующем квартале будет комиссия по аварийному жилью. Если дом признают опасным, его снесут по закону. Вы получите компенсацию, но она будет копеечной.

— Что вы предлагаете?

— Встретиться и поговорить. Без свидетелей. Завтра, в кафе «Уют» в три часа. Я угощаю.

Он вышел так же спокойно, как вошёл. Машина уехала, оставив за собой запах дорогого бензина и... чего-то ещё. Я стояла на крыльце, сжимая визитку, и чувствовала, как отпечатывается в коже её острый угол.

Через минуту из-за угла вышел Максим. Смотрел вслед машине, потом на меня.

— Это кто? — спросил он.

— Инвестор, — сказала я. — Хочет дом спасти.

Максим хмыкнул. Помолчал.

— Спасатели хреновы, — сказал он тихо и ушёл в свою мастерскую.

### Глава 3. Верхний ящик

После ухода Дениса я долго стояла у окна, глядя на следы от его шин на гравии. Дом будто притих — даже половицы не скрипели. Или мне казалось.

Я положила визитку на подоконник, перевернула её буквами вниз, чтобы не видеть. «Городские решения». Звучит как-то... официально. Бездушно. Как будто город — это проблема, которую нужно решить. А бабушкин дом — ошибка в расчётах.

Максим ушёл к себе, даже не попрощавшись. Я слышала, как хлопнула его дверь. Потом тишина — только ветер и моё дыхание.

Мне нужно было чем-то заняться. Руки дрожали — то ли от утреннего холода, то ли от разговора. Я решила: сегодня я начну разбирать вещи. Не всё — хотя бы комод в бабушкиной спальне. Тот самый, резной, с выдвижными ящиками, которые всегда заедали.

Я села на пол перед комодом. Верхний ящик поддался сразу — видно, бабушка пользовалась им недавно. Там лежали ложки, вилки, штопор, старый блокнот с потрёпанной обложкой и три пачки писем, перевязанных бечёвкой. Я взяла блокнот.

Он оказался не бабушкиным — почерк был мужским, острым, с наклоном вправо. Первая страница: «Заметки по истории зарецких усадеб, 1987 год». Я перелистнула — схемы, фамилии, даты, какие-то карандашные пометки на полях. В конце блокнота — вклеенная фотография. Чёрно-белая, уже выцветшая.

На ней была бабушка — молодая, в платье в горошек, с косой, уложенной короной. Она улыбалась в объектив, прижимаясь плечом к мужчине. Высокому, светловолосому, в очках с толстой оправой. Он смотрел не на фотографа, а на неё — с такой нежностью, что мне стало неловко, как будто я подглядываю.

Я перевернула фото. На обратной стороне — надпись шариковой ручкой: «Саша и Андрей, 1960, Зарядье». Андрей. Я никогда не слышала этого имени. Бабушка никогда не рассказывала ни о каком Андрее. Мой дедушка — папин отец — был другой, с тёмными глазами и фамилией Громов, и они развелись задолго до моего рождения.

Я вгляделась в лицо мужчины. Что-то в нём было... знакомое. Но я не могла понять, что именно.

Положив фото в карман джинсов, я взялась за письма. Первая пачка — с московскими штемпелями, адресованные бабушке. Я развернула верхнее — и в нос ударил запах старой бумаги, табака и, как ни странно, апельсинов. Письмо начиналось без обращения:

«Ты была права — осень здесь серая. Я думал, что привык, но каждый год одно и то же. Скучаю по нашему саду, по твоему смеху, по тому, как ты пересчитываешь вишнёвые косточки перед тем, как выбросить. Помнишь?»

Я читала дальше, затаив дыхание. Письмо было о чём-то простом: о погоде, о работе в архиве, о книге, которую Андрей (да, он подписался в конце: «Твой А.») обещал прислать бабушке. Но между строк читалась тоска. И секрет. Он несколько раз спрашивал: «Ты никому не показывала те рисунки?» Какие рисунки?

Я открыла второе письмо. Потом третье. Из них я поняла, что Андрей и бабушка встречались, когда она уже была замужем (за дедушкой? Или до?). Он был архитектором-реставратором, ездил по городам, собирал материалы для книги о деревянном зодчестве. Зарецк попал в его маршрут случайно, но он задержался здесь на три лета.

И ещё: он обещал ей что-то вернуть. «То, что я взял тогда, не даёт мне покоя. Я верну, Саша. Когда закончу работу».

Работу над чем? Я перерыла весь ящик, но других писем не нашла — только эти, до середины шестидесятых. Последнее датировано 1965 годом, августом. «Я уезжаю завтра. Не провожай. Береги себя. Прости, что не смог стать тем, кем хотел для тебя».

Всё.

Я сидела на полу, обложившись письмами, и чувствовала, как к горлу подступает ком. Не от жалости — от злости. Бабушка хранила это полвека. Никогда не говорила. Ни разу. И теперь я, взрослая женщина, узнаю о её тайной жизни из старых конвертов.

В дверь постучали — на этот раз громче обычного. Максим.

— Алиса, — его голос звучал озабоченно. — Ты там как? Я слышал, кто-то приезжал.

Я сунула письма обратно в ящик, задвинула его ногой и только потом пошла открывать.

Максим стоял на крыльце с двумя вёдрами — одно с углём, другое с водой. Рукава футболки закатаны, на предплечье татуировка — теперь я разглядела: геометрический узор, похожий на чертёж. Он посмотрел на меня, нахмурился.

— Ты плакала?

— Нет, — соврала я. — Пыль.

Он не поверил, но не стал настаивать. Внёс вёдра в дом, поставил у печки. Прошёл на кухню, открыл кран — вода потекла спокойно, без бульканья.

— Трубы я доделал, — сказал он. — Сегодня ночью уже можно будет горячей водой помыться, если печку протопишь как следует.

— Спасибо, — я вытерла щёки рукавом — пыль, конечно же, пыль.

Максим помолчал, глядя на меня. Потом кивнул на комод.

— Разбираешь?

— Ага.

— Нашла что-нибудь интересное? — спросил он без особого любопытства, просто чтобы что-то сказать.

— Старые письма, — я помедлила. — Вы знали какого-нибудь Андрея? Архитектора? Он бывал здесь в шестидесятых.

Максим перестал тереть кран. Повернулся ко мне медленно, как будто я сказала что-то важное.

— Андрей Кравцов? — спросил он. — Реставратор?

У меня внутри всё оборвалось.

— Кравцов? — переспросила я. — Вы уверены?

— В музее о нём есть стенд. Он восстанавливал собор в Заречке, ну, тот, что на площади. Умер в девяностых. Его сын, говорят, в Москве большой человек, сюда приезжал пару лет назад — хотел что-то открыть, фонд какой-то. А вы откуда знаете Андрея?

Я не ответила. Я смотрела на визитку, которая всё ещё лежала на подоконнике, перевернутая вниз буквами.

«Городские решения». Денис Кравцов.

Сын. Или внук.

Бабушка любила Андрея Кравцова — или он любил её. А теперь его потомок приехал, чтобы «спасать» её дом.

Я вдруг почувствовала, что всё это — не случайность. Что Денис знал про бабушку. Про меня. И что письма — это ключ, только я пока не поняла, к чему.

— Алиса, — позвал Максим, и я вздрогнула. Он стоял рядом — слишком близко, я почувствовала запах дерева и пота. — Ты как? Бледная.

— Всё нормально, — выдавила я. — Правда.

Он не уходил. Просто стоял, сжимая в руке гаечный ключ, и молчал. Я смотрела в пол, потому что если бы я подняла глаза, то, наверное, расплакалась бы по-настоящему. А плакать при нём мне не хотелось. Не потому что стыдно — потому что тогда пришлось бы объяснять. А объяснять было нечего.

— Ладно, — сказал он наконец. — Я пойду. Если что — кричи.

Он вышел, и я услышала, как его шаги удаляются по гравию. Потом хлопнула его дверь. Потом снова тишина.

Я взяла визитку. Перевернула.

«Денис Кравцов. Генеральный директор. Городские решения».

Завтра в три часа я пойду в кафе «Уют». Не потому что хочу продавать дом. А потому что хочу посмотреть в глаза человеку, чей отец (дед?) писал моей бабушке: «Ты никому не показывала те рисунки?»

Какие рисунки, Андрей?

Я заварила чай (вода из ведра, заварка — прошлогдняя, но терпимо) и достала из ящика блокнот снова. Пролиставала до конца. Там, между страницами, был вложен ещё один листок — не приклеенный, просто сложенный вчетверо. Я развернула.

Это был набросок углём. Дом. Не бабушкин — другой, с башенкой и резными наличниками. Подпись внизу: «Проект музея деревянного зодчества. Андрей Кравцов, 1964».

Ниже, мелким бабушкиным почерком: «Не отдала. Не смогла».

Я закрыла блокнот, убрала всё обратно в ящик. Задвинула его, встала.

Завтра в три часа.

Иду мыться. Пока есть горячая вода.

Глава 4. «Уют» и неприятные вопросы

В три часа я стояла перед кафе «Уют» и чувствовала себя школьницей, которую вызвали к директору. Заведение оказалось единственным в Заречке, где можно было выпить нерастворимый кофе: два столика, кружевные салфетки, аквариум с одной золотой рыбкой и запах жареного лука.

Денис уже сидел за дальним столиком. Пиджак висел на спинке стула, рукава рубашки закатаны до локтя — выглядело это расслабленно, но я видела, как он поправляет манжеты, когда я вхожу. Всё продумано.

— Алиса, — он кивнул на стул напротив. — Спасибо, что пришли.

— Я не обещала соглашаться, — сказала я, садясь. Села жёстко, чтобы он понял: я не прогнусь.

— Я и не жду согласия сегодня. Просто поговорим.

Он подозвал официантку — девочку-подростка с пирсингом в брови, которая смотрела на него как на инопланетянина. Денис заказал эспрессо, я — чёрный чай (чайник с заваркой принесли через пять минут, заварка — в пакетике «Принцесса Нури»).

— Ваш дом, — начал он, когда официантка ушла, — имеет историческую ценность не потому, что там жила ваша бабушка. А потому, что это один из последних образцов купеческой архитектуры начала двадцатого века в Зарецке. Комиссия, скорее всего, признает его аварийным, но я могу повлиять на экспертизу. В обмен на что?

— Я не знаю, — ответила я. — Вы сами предложили встретиться.

— Да. — Он поставил локти на стол и сложил пальцы домиком. — Я предлагаю вам написать историю этого дома. Не сухой отчёт, а книгу. Семейную хронику, переплетённую с историей города. Вы — журналист, у вас есть навыки. Я — издаю и оплачиваю. А дом остаётся у вас, я помогаю с реставрацией через свой фонд.

Я молчала. Это звучало слишком хорошо. Слишком щедро.

— Почему? — спросила я. — Почему вам не всё равно?

Денис посмотрел на меня долго. Я впервые заметила, что у него есть родинка на шее, чуть выше воротника. И что он умеет молчать так, что молчание становится тяжелее слов.

— Мой отец, — сказал он наконец, — был реставратором. Андрей Кравцов. Он много лет занимался деревянным зодчеством на Русском Севере. Зарецк был одним из его проектов. Я здесь вырос, можно сказать — каждое лето до пятнадцати лет.

— И вы поэтому хотите сохранить дом?

— Я поэтому хочу сохранить этот город. — Он чуть улыбнулся, но не тепло. Скорее устало. — Я не альтруист, Алиса. У меня бизнес, и реновация Зарецка — часть большого плана. Но ваш бабушкин дом — это... личное.

Он потянулся к портфелю, достал папку, выложил на стол. Чёрно-белые фотографии, копии документов.

— Отец дружил с вашей бабушкой. Она помогала ему с исследованиями, знала всех старожилов, пускала в дом. У неё хранились его чертежи — проект музея деревянного зодчества, который так и не построили. Мне бы хотелось их найти.

Я вспомнила вчерашний рисунок в блокноте. «Проект музея». Бабушкина подпись: «Не отдала. Не смогла».

— Вы знали, что я здесь? — спросила я. — Что приедете именно сейчас?

— Знал. — Он не стал врать. — Ваш риелтор в Москве слил информацию. Я хотел предложить вам сотрудничество, пока дом не снесли по закону.

— То есть вы меня отслеживали.

— Я вас искал. Разница есть.

Он подвинул ко мне фотографию. На ней — молодой Денис, лет двенадцати, стоит на крыльце... моего дома. Точно. Те же резные наличники, та же кривая ставня. Рядом с ним — высокий мужчина в очках, тот самый, с бабушкиного фото. Андрей.

— Вы бывали в моём доме? — спросила я тихо.

— Много раз. Ваша бабушка кормила меня пирожками. Учила различать скрип половиц — где пройдёт кошка, а где вор. — Он усмехнулся, и в этой усмешке впервые промелькнуло что-то живое. — Я не враг, Алиса. Я просто хочу закончить то, что начал мой отец.

Я смотрела на фото. Бабушка с чужим мальчиком на коленях. Бабушка, которая никогда не упоминала ни этого мальчика, ни его отца. Моя бабушка, которая умерла, унеся с собой все эти истории.

— Мне нужно подумать, — сказала я.

— Конечно. — Денис встал, оставил на столе купюру. — Но не слишком долго. Время — это деньги. Вы знаете.

Он ушёл, и я осталась с остывшим чаем и фотографией. Девочка с пирсингом собрала посуду и спросила:

— Это ваш друг? Красивый.

— Не друг, — ответила я. — Пока нет.

На обратном пути я шла медленно. Город спал — днём, по-деревенски. Где-то лаяла собака, женщина вешала бельё на верёвку, двое стариков играли в домино на скамейке. Зарецк казался сонным и невинным. А под этой сонностью прятались тайны, письма, непостроенные музеи и мужчины, которые умеют ждать десятилетиями.

Когда я подошла к дому, на крыльце сидел Максим.

Он курил, смотрел в землю. Увидел меня — затушил сигарету о подошву ботинка, поднялся.

— Долго тебя не было, — сказал он. Не как упрёк. Как констатацию.

— Я в кафе ходила, — ответила я. — С тем человеком. Кравцовым.

— Знаю. Видел, как его машина уезжала.

Он ждал меня. Наверное, час. Или два. Просто сидел на моём крыльце, курил, смотрел на дорогу.

— И что он хотел? — спросил Максим.

— Дом спасти. И книгу написать.

Максим кивнул. Взял с перил какой-то листок — я не сразу заметила. Письмо. То самое, из верхнего ящика. Одно из тех, что я забыла запереть.

— Ты лазил в мои вещи? — спросила я резче, чем хотела.

— Оно выпало, когда я трубу под раковиной чинил. Лежало на полу. Я хотел положить обратно, но увидел фамилию. — Он протянул мне конверт. — Кравцов. Андрей Кравцов. Это его отец. Тот самый, который сюда приезжал.

Я взяла письмо. Не глядя, засунула в карман джинсов.

— И что ты думаешь? — спросила я, глядя ему в глаза. Теперь уже в моём голосе была не злость, а усталость. — Скажешь, что он манипулятор? Что нельзя ему доверять?

Максим помолчал. Потом сказал:

— Я скажу, что твоя бабушка была умной женщиной. И если она спрятала эти письма, а не сожгла — значит, хотела, чтобы когда-нибудь их нашли. Но не обязательно, чтобы тот, кому они адресованы, вернулся.

Он шагнул ко мне. Очень близко. Я чувствовала запах табака, дождя (собиралось?), и снова — того особенного запаха от его рук.

— Я не говорю, что Кравцов плохой, — сказал Максим. — Я говорю: будь осторожна. Не потому, что он враг. А потому, что он умеет получать своё. Всегда.

Он развернулся и ушёл. По гравию — хруст, хруст. Дверь мастерской хлопнула.

Я осталась стоять на крыльце, сжимая в кармане письмо пятидесятилетней давности. В доме было темно и пахло дровами. Я зажгла свечу, достала письмо, но читать не стала. Просто сидела у окна и смотрела, как гаснет день.

Внутри меня боролись два голоса. Один говорил: «Денис — это шанс. Будущее. Книга, деньги, реставрация». Второй — голос Максима, тихий и хрипловатый: «Он умеет получать своё. Всегда».

А третий голос, бабушкин, молчал. И это молчание было самым громким.

Глава 5. Тайник

Ночью я не спала. Лежала на бабушкиной кровати, слушала, как печка потрескивает углями, и смотрела в потолок — туда, где трещина извивалась, как старая вена. Письма лежали под подушкой. Я перечитала их все трижды.

«Ты никому не показывала те рисунки?»  
«То, что я взял тогда, не даёт мне покоя».  
«Прости, что не смог стать тем, кем хотел для тебя».

Что он взял? И что за рисунки? Я перебрала в памяти бабушкины вещи: альбомы с фотографиями, старые открытки, вышивки, кружева. Никаких чертежей, никаких архитектурных набросков, кроме того, что я уже нашла в блокноте.

Но ведь бабушка не просто так хранила этот блокнот в верхнем ящике. И не просто так подписала на рисунке: «Не отдала. Не смогла».

Значит, она прятала что-то ещё.

На рассвете я встала, зажгла керосиновую лампу (свет так и не дали, сказали «завтра») и начала обыскивать дом. Систематически, как учили в детективах: сначала стены, потом пол, потом мебель.

Бабушкин комод я уже разобрала. Ничего, кроме писем и ложек. Старый шкаф в прихожей — там пахло нафталином и хранились валенки, которые никто не носил. Полки на кухне — крупы, банки с соленьями (просроченными), пустые бутылки из-под кефира.

Я уже почти отчаялась, когда заметила печку. Не ту, что топилась дровами, а старую голландскую печь, которая стояла в углу спальни. Бабушка никогда не пользовалась ей — говорила, что «кирпичи сыплются». Я обошла печь со стороны, где стык с стеной, и увидела щель.

Не простую. Между печью и стеной был зазор сантиметра три, а в нём — что-то тёмное, прямоугольное. Я просунула руку, нащупала картонную папку, вытащила. В папке, перетянутой резинкой (резинка рассыпалась от времени), лежали листы. Много листов. Ватман, пожелтевший по краям.

Чертежи. Десятки чертежей. Планы, фасады, разрезы. Дома, церкви, хозяйственные постройки — всё в едином стиле, всё с пометками карандашом. На первом листе — крупно, в рамке: «Проект музея деревянного зодчества под открытым небом. Зарецк. Архитектор А. Кравцов. 1964».

Я села прямо на пол, разложила чертежи вокруг себя. Руки дрожали. Это было не просто творчество — это была одержимость. Каждая деталь вычерчена с любовью и болью. На полях — приписки: «образец наличника из дома купца Ерофеева», «крыльцо из деревни Малые Ключи (перенести)», «здесь нужен колодец, как в северных сёлах».

И в самом конце — отдельный лист, сложенный вдвое. Письмо. Почерк Андрея Кравцова, такой же острый, как в блокноте.

«Саша, прости, что оставляю это у тебя. В Москве их могут изъять — проект не утверждён, а я уже нажил врагов. Ты единственная, кому я доверяю. Если со мной что-то случится

— покажи эти чертежи в Союзе архитекторов. Или сожги. Но не отдавай никому, кто придёт с "нужными бумагами". Особенно не отдавай им.

Андрей. 1965, август».

Я перечитала последнюю фразу три раза. «Особенно не отдавай им». Кому — «им»? Денис тогда был ребёнком. Может, его дед? Или чиновники?

В дверь постучали. Я вздрогнула, быстро сложила чертежи обратно в папку и сунула под кровать.

— Алиса? — голос Максима. — Свет дали. Я хотел сказать.

Я открыла. Он стоял с кружкой в руке, в старой фланелевой рубашке — видно, только встал. Взъерошенный, сонный, и почему-то от этого очень настоящий.

— Спасибо, — сказала я. — Зайди на секунду.

Он вошёл, огляделся. Заметил папку под кроватью — я не успела задвинуть её глубже — но ничего не сказал.

— Ты что-то нашла? — спросил спокойно.

Я помедлила. Доверять ему? Он же чужой человек. Сосед, который чинит трубы. Но он единственный, кто не давит, не предлагает сделок, не смотрит на меня как на проект.

— Чертежи, — сказала я. — Андрея Кравцова. Проект музея.

Максим поставил кружку на стол, присел на корточки, заглянул под кровать. Я достала папку, развернула верхний лист.

Он долго молчал. Водил пальцем по линиям, по пометкам. Потом поднял на меня глаза — серые, спокойные.

— Красиво, — сказал он. — И грустно.

— Почему грустно?

— Потому что это не построили. И теперь, наверное, не построят никогда.

Он посмотрел на меня, и я вдруг поняла: Максим не был простым строителем. То, как он держал чертёж — бережно, чуть на весу, как священную книгу. Как читал размеры и примечания. Как наморщил лоб, разглядывая узел крепления крыльца.

— Ты разбираешься? — спросила я.

— Немного, — он пожал плечами. — Учился на архитектора. Бросил после второго курса.

— Почему?

Он не ответил. Сложил чертёж, положил обратно в папку.

— Денису ты это покажешь? — спросил вместо ответа.

— Не знаю, — честно сказала я. — Он сказал, что хочет закончить дело отца.

— Может, правда хочет, — Максим встал, отряхнул колени. — А может, хочет найти то, что отец не успел. Чертежи — это интеллектуальная собственность. Они стоят денег.

— Ты думаешь, он из-за денег?

— Я думаю, — сказал Максим тихо, — что богатые люди не становятся богатыми, раздавая подарки. Если Кравцов предлагает тебе сделку, у него есть причина. Найди эту причину, прежде чем соглашаться.

Он взял свою кружку, сделал глоток.

— Я пойду. У меня работа. Если хочешь, вечером помогу тебе перебрать вещи на чердаке. Там, может, тоже что-то есть.

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что.

Он ушёл, а я осталась сидеть на полу, обложенная чертежами, с ощущением, что мир вокруг меня становится сложнее, тайнее, и каждый новый ответ рождает десяток новых вопросов.

## Глава 6. Чердак и разговор в темноте

Чердак оказался пыльным царством, где время застыло в 1985 году. Ржавые коньки, сломанный стул, старый сундук с надписью «Посуда. Осторожно». Максим поднялся первым, подсвечивая фонариком, и подал мне руку, когда я карабкалась по приставной лестнице. Его ладонь была твёрдой, но не грубой.

— Тут пауки, — предупредил он.

— Я не боюсь.

— Боишься. Я видел, как ты визжала, когда мышь пробежала вчера на кухне.

— Это был не визг. Это был возглас удивления.

Он усмехнулся. В полутьме чердака его усмешка казалась интимной, как будто мы делили секрет.

Мы молча перебирали хлам. Я открыла сундук — внутри оказались фарфоровые тарелки с трещинами, выцветшие скатерти, стопка писем (обычных, не любовных) и альбом с семей-

ными фотографиями. Я пролистала его быстро — бабушка, дедушка, папа в детстве. Никакого Андрея.

Максим копался в углу, где под слоем опилок и грязи нашёл ящик из-под патронов. Открыл — и присвистнул.

— Иди сюда.

Я подошла. В ящике лежали вещи, которые не вязались с бабушкиным домом: мужские запонки из тёмного металла, старая зажигалка, паспорт на имя «Кравцов Андрей Петрович» — с фотографией того самого человека в очках. И кожаный блокнот, маленький, потрёпанный.

Я взяла блокнот. Страницы исписаны мелким бисерным почерком — дневник. Даты: 1963–1965.

— Это его, — сказала я тихо. — Андрея.

Максим молчал. Я открыла первую страницу и прочитала:

«Приехал в Зарецк. Город как город, но собор удивительный. Местные говорят, что его хотели сносить ещё при Хрущёве. Успел вовремя. Поселили в избе у вдовы Громовой. Александра — строгая женщина, но варенье варит божественное. Сын у неё маленький, Игорь. Муж умер два года назад.»

Игорь — это мой отец. Бабушка была вдовой с маленьким сыном, когда приехал Андрей. Я читала дальше, быстро, пропуская описания соборов и быта, выискивая главное.

«15 июля 1963. Сегодня Саша показала мне старые чертежи её мужа. Он был инженером, строил мосты. Есть идея сделать музей — не только церкви, но и гражданскую архитектуру. Саша говорит: "Ты первый, кто понял". Я понял не только чертежи. 23 августа. Мы поцеловались в сарае, когда никто не видел. Глупость. У неё сын, у меня Москва. Но я не могу думать ни о чём другом.»

Я читала, затаив дыхание. Максим стоял рядом, не заглядывая в блокнот — отошёл к окну, смотрел во двор. Спасибо ему за это.

«12 мая 1964. Проект музея утвердили на уровне области. Но в Москве говорят, что земля нужна под завод. Я в бешенстве. Саша предложила спрятать чертежи у неё. Говорит, никто не догадается искать в доме у вдовы. Я согласился. Другого выхода нет. 3 января 1965. В Москве у меня обыск. Из-за каких-то старых дел по реставрации. Я не поеду в Зарецк до лета. Саша, прости. Прости, что я трус.»

Последняя запись — июнь 1965 года:

«Я забираю чертежи. Уезжаю навсегда. Саша плакала, но не остановила. Она сильнее меня. Я оставляю ей дневник, паспорт, всё, что может меня выдать. Если меня не будет — пусть знает правду. А я попробую начать сначала. В другом городе. С другой женщиной. Прощай, Зарецк. Прощай, Саша.»

Я закрыла блокнот. Руки тряслись так, что я едва удерживала его.

— Всё в порядке? — спросил Максим, не оборачиваясь.

— Нет, — сказала я. — Не в порядке.

Я спустилась с чердака, села на кровать, сжимая дневник. Максим спустился следом, молча поставил чайник.

— Он её бросил, — сказала я. — Андрей. Уехал, оставил чертежи, дневник — всё. А она хранила это полвека.

— Люди хранят не то, что важно. А то, что больно выбросить, — сказал Максим.

Я посмотрела на него. Он стоял у плиты, спиной ко мне, заваривал чай в заварнике (пользовался моей посудой как своей). В простой фланелевой рубашке, с нечёсаными волосами. Он был так далёк от глянцевого Дениса, от его идеального пиджака и правильных слов.

— Максим, — позвала я.

Он обернулся.

— Почему ты бросил архитектуру?

Он помолчал. Поставил чайник, подошёл, сел на стул напротив меня. На расстоянии вытянутой руки. Я чувствовала тепло его тела.

— У мамы был рак, — сказал он ровно. — На втором курсе. Мне нужно было работать, чтобы платить за лечение. Строителем — быстрее деньги. А потом она умерла. А я остался.

— Прости, — прошептала я.

— Не надо, — он покачал головой. — Я не жалею. Архитектура — это красиво. Но строить руками — честнее. Ты видишь результат каждый день. Не через чертежи, а вот так, — он коснулся стены, которую недавно штукатурил. — Пальцами.

Он посмотрел на мои руки. Я всё ещё сжимала дневник.

— Ты похожа на неё, — сказал он вдруг. — На бабушку.

— Правда?

— Упрямством. И тем, как смотришь, когда не согласна. В точности.

Он улыбнулся. Без задней мысли, просто тепло. И я вдруг поняла, что впервые за много дней мне не страшно. Что сидеть в старом доме, с небритым соседом и дневником мёртвого архитектора — это нормально. Что, может быть, счастье — не в Москве, не в карьере, не в больших деньгах. А вот в этом: тишина, чай, ламповый свет.

— Я боюсь Дениса, — сказала я неожиданно для себя.

— Чего именно?

— Что он прав. Что его проект — единственный шанс спасти дом. Что я без него ничего не смогу.

Максим накрыл мою ладонь своей. Просто. Не сжимая, не поглаживая. Просто положил сверху, как крышу.

— Может, не надо выбирать между ним и мной, — сказал он. — Может, надо сначала понять, чего хочешь ты. Без сделок. Без чертежей. Просто — что для тебя этот дом.

Я посмотрела на его руку. Шершавую, в цементе, с мозолями на пальцах. И на свою — бледную, городскую, с ровным маникюром. Такие разные.

— Я хочу, — сказала я медленно, — чтобы он перестал быть чужим. Чтобы я могла здесь дышать.

— Тогда не продавай, — сказал Максим просто. — И не отдавай чертежи, пока не узнаешь, зачем они Денису на самом деле.

Он убрал руку, встал.

— Поздно. Мне завтра рано вставать.

— Спасибо, Максим.

— За что?

— Что не врешь.

Он кивнул, надел куртку и вышел в ночь. Я смотрела в окно, как его фонарик мелькает между деревьями, как открывается дверь мастерской, как зажигается свет.

Потом я спрятала дневник и чертежи в новое место — под половицу в углу спальни. И долго сидела у печки, глядя на огонь.

Завтра я встречу с Денисом снова. Но теперь у меня есть оружие: тайна, которую он ищет. И союзник, который не просит ничего взамен.

Или я слишком наивна?

Глава 7. Блины и балка

Утро пришло не через окно — через запах. Я открыла глаза и поняла, что на кухне кто-то есть. Металлический лязг, шипение масла, и — боже мой — запах блинов.

Я натянула старый бабушкин халат (другого не было) и вышла. Максим стоял у плиты в той же фланелевой рубашке, что и вчера, перевернул блин лопаткой, подкинул — тот идеально приземлился обратно на сковороду.

— Ты спишь долго, — сказал он, не оборачиваясь. — Я стучал, ты не слышала. Дверь была не заперта.

— А если бы я была голая?

Он обернулся на полсекунды, скользнул взглядом по моему халату (пуговицы на месте, слава богу) и снова к плите.

— Тогда я бы сделал вид, что пришёл починить счётчик.

Я села за стол. Он поставил передо мной тарелку с горкой блинов, рядом — плоску с вареньем. Бабушкиным? Я попробовала. Вишнёвое, с косточками. Откуда?

— У тебя на огороде вишня? — спросила я с набитым ртом. Неприлично. Мне было всё равно.

— У тебя. Дерево за домом. Я вчера собрал, пока ты спала. Сварил. Три банки.

— Ты сварил варенье?

— А что такого? — он пожал плечами и сел напротив, без своей тарелки, просто с кружкой чая. — Ягоды пропадали. Жалко.

Я смотрела на него. На лицо, тронутое утренней щетиной (брился он, кажется, раз в два дня). На руки, которые только что управлялись со сковородой, а теперь спокойно лежали на столе — сильные, с чёткими венами. Максим не был красив в привычном смысле. Никакой тебе голливудской челюсти или разлёта бровей. Но в нём была плотность, основательность, как в старом дубе, который пережил все бури и даже не скрипит.

— Спасибо, — сказала я тихо.

— Не за что.

Он допил чай, поднялся.

— Сегодня укреплю балку в гостиной. На чердаке я видел, что конец прогнулся. Если не сделать, потолок рухнет к зиме.

— Я помогу.

— Не надо. — Он надел перчатки (те самые, грязные, кожаные), взял ящик с инструментами. — Ты только в моём графике не стой.

Я обиделась. И сама на себя разозлилась за эту обиду. Он что, должен включать меня в бригаду? Я не умею держать молоток. Я только умею писать статьи про пuffy и читать чужие дневники.

Я ушла в спальню, переоделась в джинсы и свитер, долго смотрелась в осколок зеркала (бабушкино, в резной раме). Лицо опухшее со сна, глаза красные — я плохо спала, всё думала о дневнике, о чертежах, о том, как Максим накрыл мою руку своей.

Он сказал: «Не сейчас. Ты ещё не решила».

Решила что? Между кем?

Я вышла во двор. Он стоял на стремянке в гостиной (окна выходили на улицу, и я видела его через стекло), снимал старую штукатурку. Пыль летела облаком. Я зашла с чёрного хода, чтобы не мешать, села в уголке на табуретку.

— Я тихо, — сказала.

— Вижу.

Он работал. Я смотрела. Есть что-то гипнотическое в том, как мужчина делает что-то руками, что умеет, что требует силы и точности одновременно. Он отбивал старую штукатурку, проверял балку рукой, прикладывал уровень, чертил карандашом метки. Потом взял новую доску, примерил, отпилил лишнее — и всё это молча, сосредоточенно, иногда покусывая губу.

Я поймала себя на том, что смотрю на его губы. На то, как он их облизывает, когда сосредоточен. Отвела взгляд. Посмотрела в окно. Там, за окном, кто-то прошёл — женщина с сумкой, старик с палкой. Обычная жизнь, которая не знает, что внутри меня сейчас происходит землетрясение.

— Подержи, — сказал он вдруг.

Я подошла. Он передал мне конец доски, которую крепил к балке. Я держала, он забивал гвозди. Тук-тук-тук. Каждый удар отдавался в моих пальцах, в запястьях, в позвоночнике.

— Отпускай, — сказал он.

Я отпустила. Доска держалась.

— Хорошо, — крикнул Максим, слез со стремянки, вытер лоб тыльной стороной ладони. Оставил на лбу серую полосу.

Я не выдержала, потянулась и стёрла эту полосу пальцем. Просто. Как само собой разумеющееся.

Он замер.

Я замерла.

Палец всё ещё касался его лба. Кожа горячая, влажная от пота. Я чувствовала, как под пальцем бьётся жилка — пульс. У него учащённый пульс.

— Алиса, — сказал он тихо, не отодвигаясь.

— Что?

— Не делай так, если не хочешь, чтобы я сделал что-то, о чём мы оба потом будем молчать.

Я убрала руку. Села обратно на табуретку. Он отвернулся к инструментам, долго и тщательно складывал их в ящик — хотя обычно кидал как попало.

— Извини, — сказала я.

— Не надо извиняться. — Он всё ещё не смотрел на меня. — Я понимаю. Ты в растерянности. Дом, чертежи, этот твой... инвестор. И я тут. Но я не хочу быть тем, кого выбирают от отчаяния.

— Я не...

— Знаю. — Он поднял ящик и пошёл к двери. — Я закончил на сегодня. Завтра приду шпаклевать.

Он вышел. Не хлопнул дверью — закрыл тихо, как всегда. Я осталась сидеть, глядя на закреплённую балку.

Она держала потолок. А я не знала, что держит меня.

Вечером я сидела на крыльце, пила чай с мятой (нарвала на огороде, пока Максим не видел) и смотрела на его дом. В мастерской горел свет, иногда мелькал силуэт. Он что-то строгал — я слышала звук рубанка.

В руке я теребила малиновую резинку для волос. Не свою. Она валялась у него в ящике с инструментами, я заметила, когда подавала молоток. Обычная, потёртая, с вылезшими нитками. Женская.

Я представила, как другая женщина оставляет у него такие вещи. Как она смеётся на этой кухне. Как он печёт для неё блины.

Мне стало душно. Не от ревности — от стыда. У меня нет на него прав. Я здесь проездом. Я — московская штучка, которая приехала «разобрать вещи» и уедет, как только дом будет в порядке. А он останется. Со своей мастерской, своим крыльцом и своей памятью о тех, кто был до меня.

Я допила чай, зашла в дом, заперла дверь. Впервые за все дни.

Под половицей лежали чертежи. Я достала их, разложила на полу. Вглядывалась в линии Андрея Кравцова — человека, который бросил мою бабушку, но оставил ей тайну. Я искала в этих линиях ответ. Зачем он вернулся через сына? Что ему нужно на самом деле?

Но мысли мои были не о чертежах. Они были о том, как палец касается лба. Как жилка бьётся под кожей. Как пахнет деревом и потом, когда стоишь слишком близко.

Я легла на кровать, закрыла глаза и сказала себе: «Ты не влюблена. Ты просто давно никого не трогала».

Но это была ложь.

Я — ненадёжный рассказчик. Даже для самой себя.

## Глава 8. Мастерок и первое касание

На следующее утро я проснулась от того, что кто-то ходил по крыше. Тяжёлые шаги, скрип, потом удар — и тишина. Я выскочила на крыльцо в растерзанных шортах и майке (другие вещи были в чемодане, а чемодан так и не разобрал). Над головой, на коньке, сидел Максим.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.